

A $\frac{238}{1296}$

В старом каб
стой под: Миллер Г. Ф.

Вырезка ?!?

2007097119

[Вятка, 1896]

1296

ОТРЫВКИ

изъ сочиненій путешественниковъ XVI—XVIII в.
о Вяткѣ и ея обитателяхъ ¹⁾.

V. Изъ „Описанія языческихъ народовъ, въ Казанской губерніи обитающихъ“, Г. Ф. Миллера (Спб. 1791 г.).

Извѣстный историографъ, Гер. Фр. Миллеръ, 58 л. служившій въ Россіи († 1783 г.), былъ (вмѣстѣ съ Гмелинымъ, Фишеромъ, Крашенинниковымъ и др.) членомъ ученой академической экспедиціи, отправленной изъ Петербурга чрезъ Казань и Сибирь въ Камчатку, начавшей свое путешествіе въ 1733 г. (9 авг.) и окончившей въ 1743 г. По южнымъ уѣздамъ Вятской губ. (принадлежавшимъ тогда Казанской) Миллеръ проѣзжалъ въ 1733 г., потому что въ началѣ 1734 г. экспедиція была уже въ Тобольскѣ. «Описаніе трехъ народовъ (чувашь, черемись, вотяковъ), въ Казанской губ. обитающихъ» было плодомъ личнаго знакомства Миллера съ инородцами, тогда еще остававшимися въ язычествѣ. Оно въ первый разъ напечатано въ изданныхъ Миллеромъ, «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ» 1756 г. (іюль, августъ), потомъ, съ поправками отдѣльно въ 1791 году.

Черемисы, чувашы и вотяки суть особые три языческіе народа въ Казанской губерніи, которые жилищами своими простираются до 200 верстъ выше и ниже города Казани, по обѣ стороны рѣки Волги такъ, что черемисы по большей части жителство свое имѣютъ на лѣвомъ берегу помянутаго рѣки и къ востоку по разнымъ мѣстамъ до Кунгурскаго уѣзда, а чувашы наибольше по правому берегу рѣки Волги; вотяки же имѣютъ жилища свои отъ Волги въ сторону, а именно въ половинѣ сѣверной части Казанской губерніи, т. е. около рѣки Вятки ²⁾.

Множество находящихся въ сихъ мѣстахъ лѣсовъ есть тому причиною, что всѣ вышепомянутые народы жилища имѣютъ или въ лѣсахъ, или между лѣсами, и къ поселенію своему выбрали такія мѣста, что каждая деревня построена при нарочитой рѣкѣ, или рѣчкѣ, или озерѣ, а при томъ по близости и къ пашнямъ.

Между Волгою и Камою, на казанской дорогѣ въ весѣ Соликамской и далѣе, поставлены верстовые столбы, токмо не такіе, какіе обыкновенно въ Россіи бываютъ. Тамъ считаютъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Календарь Вятской губ.» на 1893 г.

²⁾ Къ Казанской губ. принадлежала (1733—1735 г.) и Вятская провинція.

вездѣ по чумкасамъ, а въ чумкасѣ считается пять верстъ; но они гораздо больше россійскихъ мѣрныхъ верстъ, развѣ одну чумкасу положить съ нѣмецкую милю, которыхъ въ градусѣ по 15 считается, ежели они еще больше не будутъ; а какъ прежде государственія императора Петра I вышешоказанныя большія версты и въ Россіи также бывали, то довольно явствуетъ, для чего у прежнихъ писателей о россійской имперіи по 5 верстъ въ одной нѣмецкой милѣ положено. Татары чумкасѣ называютъ на ихъ языкѣ «алечугъ», черемисы «кешмашъ», а вотяки такъ же, какъ и русскіе, чумкасѣ.

Черемисы, чуваша и вотяки по городамъ или по слободамъ вмѣстѣ съ русскими не живутъ, но въ особенныхъ деревняхъ, и тѣмъ разнятся отъ татаръ, которые и въ русскихъ селеніяхъ своими живутъ слободами. Черемисы нынѣ живутъ также и съ татарами, и съ мордвою, и въ Кузьмодемьянскомъ дистриктѣ. Черемисы и чуваша живутъ безъ разбору, такъ что ихъ по всѣмъ обстоятельствамъ почти за одинъ народъ почитать можно; одни вотяки такъ дики и грубы, что ни съ какимъ народомъ дружескаго обхожденія имѣть не хотятъ, или жить вмѣстѣ въ одной деревнѣ.

Черемисскія деревни очень малы, и по большей части состоятъ изъ двухъ только или трехъ дворовъ, а весьма рѣдко бываетъ, чтобы въ одной деревнѣ съ 10 или съ 20 было; такія деревни стоятъ часто одна отъ другой не подалеку; напротивъ чего чуваша живутъ почти вездѣ большими деревнями, такъ что въ оныхъ по 20, по 80, и по 100 дворовъ бываетъ, и рѣдко найти можно, чтобы въ которой деревнѣ меньше десяти дворовъ было. Вотяцкія деревни по большей части состоятъ изъ 20, 30 и изъ 40 дворовъ, смотря по тому сколько между дикими лѣсами подъ извѣстное число дворовъ мѣста будетъ, и сколько пропитанія для себя и для скота найдутъ. У черемисъ и у вотяковъ есть такое обыкновеніе: ежели имъ на старыхъ мѣстахъ жить не покажется, то они сламываютъ иногда цѣлыя деревни и хоромное строеніе переносятъ на другое мѣсто, а иногда дворы оставляютъ и на старыхъ мѣстахъ, и отдаютъ оныя охотникамъ въ наемъ. Между Вяткою и Камою, чумкасовъ на 20 отъ первой рѣки, на большой сарапульской дорогѣ примѣчены мною остатки вотяцкой деревни, которая называлась Кибія, и отъ тамошнихъ жителей за три года передъ тѣмъ

перенесена на другое мѣсто, на три версты отъ прежней полу-деннѣ, подъ тѣмъ же званіемъ.

О вотякахъ еще и то примѣчать надлежитъ, что они нѣкоторыя изъ своихъ деревень называютъ именемъ пилги, а другихъ не называютъ, и сему никакой причины показать не знаютъ. Да и того сказать не умѣютъ, что значить слово «шилги», а токмо объявляютъ, что ихъ предки сіи мѣста такъ называли.

У сихъ народовъ дворы построены такъ, какъ и у татарскихъ мужиковъ, и тѣмъ разнятся отъ деревенскаго строенія русскихъ мужиковъ; ибо у нихъ нѣтъ черныхъ избъ, но надъ печами и очагами сдѣланы дымовыя окошки и комли. Въ избахъ вездѣ дѣлаются у нихъ, какъ и у татаръ, широкія лавки или полкі такъ, что поперекъ оныхъ протянувшись человекъ лежать можно; токмо оныя лавки не по всей избѣ шириною одинаковы. Оконницы по большей части паюсныя, отъ чего зимою у нихъ весьма тепло бываетъ, или изъ тонкихъ берестъ.

Помянутыя народы изъ давнихъ лѣтъ состоятъ непосредственно подъ російскою державою; однако каждый народъ имѣетъ вольность, по своему разсужденію, изъ своихъ выбирать въ сотники, въ выборные, въ старосты и въ десятники, яко судей въ ихъ деревняхъ. Въ каждой деревнѣ есть свой выборной, староста, и нѣсколько десятниковъ, и нѣкоторое число деревень состоятъ въ вѣдомствѣ у одного сотника. Иногда же бываетъ въ деревнѣ и свой сотникъ, какъ то обыкновенно у чувашъ, у которыхъ деревни велики; тако жъ и у черемисъ, которые живутъ въ дистриктѣ Алатскомъ. Помянутыя люди, яко старшіе и главнѣйшіе, чинятъ расправу всякимъ небольшимъ дѣламъ и ссорамъ; а буде кто явится по уголовнымъ дѣламъ, таковые за карауломъ отсылаются въ города.

Кромѣ подушныхъ денегъ не платятъ они никакихъ податей, которыя собираются съ нихъ по примѣру русскихъ государевыхъ крестьянъ, а именно по рублю по десяти копѣекъ съ каждой души мужскаго полу наличными деньгами. Оныя деньги каждой деревни выборной собирая отдаетъ въ полковую канцелярію того города, къ которому такая деревня приписана. Въ одномъ только Кунгурскомъ уѣздѣ есть нѣсколько черемисскихъ деревень, которыя вмѣсто подушныхъ денегъ платятъ подати кунницами. Здоровой и бодрой человекъ даетъ по двѣ кунницы, а немощные и старые только по одной. Ежели же

имъ оныхъ куницъ натурою дать не можно, то берутся съ нихъ въ казну по тамошней цѣнѣ деньги, а именно по 40 копѣекъ за каждую куницу. Помянутымъ деревнямъ изъ давныхъ лѣтъ позволено платить куницами, которую вольность и тамошніе татары имѣютъ со времени завоеванія оныхъ земель, и потому просто прозваны куничными татарами.

Лице мѣ черемисы, чуваша и вотяки таковы, что ихъ между прочими сосѣдственными народами весьма легко распознать можно. Черемисы и чуваша много походятъ на татаръ, а различуютъ токмо тѣмъ, что они суше, и за тупостію ихъ разума кажутся на взглядъ весьма глупы и боязливы. А вотяковъ по ихъ внѣшнему виду можно сравнить съ чухонцами.

По душевнымъ дарованіямъ народовъ сихъ такожь мало хвалить можно. У нихъ разумъ весьма тупъ, и потому крайніе невѣжи и къ порокамъ весьма склонны. Они не знаютъ ничего о честности и добродѣтели, такожь и о внутреннемъ естественномъ законѣ, кромѣ того, чему съ принужденія научены будутъ. Ежели одинъ другаго или кого изъ сосѣдственныхъ народовъ обмануть захочетъ, тотъ ни одного не упускаетъ случая; и притомъ весьма склонны къ воровству, однакожь не съ довольною осторожностію, ибо почти всегда въ томъ явно попадаютъся. Нѣкоторые изъ нихъ ходятъ на разбой, которымъ нѣсколько во оправданіе служитъ то, что нищета ихъ къ тому, какъ зима голодныхъ волковъ, принуждаетъ.

Они почти всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, къ пьянству склонны. Вотяки наипаче имѣютъ къ тому хорошій случай, потому что, при завоеваніи ихъ земли, отъ великаго царя Іоанна Васильевича получили вольность сидѣть въ своихъ деревняхъ вино, что у черемисъ и у чувашъ весьма рѣдко бываетъ, но вмѣсто того умѣютъ они варить пива и меда толь крѣпкія, что съ сего питья такъ же могутъ быть пьяны, какъ и съ вина.

Въ вотякахъ примѣтилъ я еще и тотъ порокъ, что они предъ прочими народами весьма упрямы, въ чемъ паки съ финскими мужиками, какъ и по внѣшнему виду, очень много сходятствуютъ.

Въ томъ помянутые народы хвалы достойны, что они неистовому му... ложеству не касаются, да и званія сему пороку у

нихъ нѣтъ; а прочіе восточные народы въ помянутой нечистотѣ весьма охотно валяются.

Во всѣхъ помянутыхъ трехъ народахъ мужеской полтъ носить платье почти одинаковое, на подобіе того, какое у русскихъ мужиковъ бываетъ; одни токмо черемисы въ томъ разнствуютъ, что празничные ихъ кафтаны вверху около шеи бываютъ съ воротникомъ, который назади на четверть аршина внизъ виситъ, и что кафтаны снизу по обѣимъ сторонамъ до поясицы прорѣзные. Въ женскомъ платьѣ есть большая разница. Старухи и вдовы весьма рѣдко въ уборномъ платьѣ ходятъ, а дѣвки убору носятъ больше, болѣе же всѣхъ замужнія жены; притомъ же примѣчать надлежитъ разность между повседневнымъ и праздничнымъ платьемъ. Замужнія женщины носятъ платье различное по мѣстамъ жительства ихъ: тѣ, которыя живутъ между Вяткою и Камою, такожь и въ Кунгурскомъ уѣздѣ, носятъ особое платье; а которыя жилища свои имѣютъ на западъ отъ Вятки къ Волгѣ, въ ономъ по большей части сходствуютъ съ чувашами; живущія же въ Кузмодемьянскомъ дистриктѣ отъ чувашъ ничѣмъ ни разнятся.

У черемисокъ примѣчанія достойнѣйшій есть безмѣрно высокою головною уборъ, о которомъ упоминаетъ и Оларій. Голову сперва повязываютъ онѣ двумя повязками, изъ которыхъ одну завязываютъ подъ горломъ, а другую съ волосами на затылкѣ; обѣ бываютъ украшены наборомъ изъ серебряныхъ копеекъ и мѣлкихъ корольковъ. Сверхъ сего накладывается у нихъ бересто на подобіе стакана, которое покрывается холстиною или кожею, и спереди укладывается шелками, серебряными копейками, и висячими корольками, а сзади украшается копейками и шелковою или нитяною бахрамою. Съ сего головного убора внизъ виситъ широкой лопосты по спинѣ, который также выкладенъ бываетъ копейками и корольками. Къ сему лопостю прививаются волосы, которые связываются одною изъ вышеупомянутыхъ на затылкѣ повязкою. Такой головною уборъ называется у нихъ шуркъ. Нѣкоторыя привѣшиваютъ еще раковины; а убогія женки вмѣсто серебряныхъ копеекъ носятъ оловянные бляшки, величиною и видомъ похожія на серебряныя копейки. Въ ушахъ носятъ они кольца съ висячими корольками.

Тѣ, которыя такихъ высокихъ шапокъ не имѣютъ, носятъ повязки или начолыши, съ пришитыми поперегъ ихъ также серебряными копейками, шелехами, корольками мелкими, фарфоровыми штучками и проч. Помянутою повязкою на затылкѣ завязываются вмѣстѣ и волосы; а притомъ висятъ внизъ по спинѣ лопости съ такимъ же наборомъ, что у нихъ все ошлоу называется. На половинѣ головы до затылка, кромѣ вышепоказаннаго убора, носятъ онѣ еще повязки холстинныя, вышитыя разноцвѣтными нитками, а сверхъ оныхъ повязокъ почти до затылка покрываются платкомъ и завязываютъ оной подъ горломъ, и оный вышить такимъ же образомъ и называется по ихъ шерландъ. Въ ушахъ носятъ они сквозь продѣтыя мѣдныя проволоки, не такъ какъ кольца, но наподобіе полукружія ободомъ съ хорошею палецъ. Я видѣлъ такой уборъ у черемискихъ женокъ въ Казани.

При праздничномъ и повседневномъ уборѣ носятъ рубахи изъ самага толстаго холста, которыя по подолу также вышиты, а на вороту противъ грудей застегиваются большою мѣдною запоною. На сей запонкѣ у нѣкоторыхъ привѣшивается широкой ремень, съ висячими на ниткахъ большими корольками, длиною на палецъ, и притомъ внизу украшенъ бываетъ фарфоровыми кусочками. Такіе ремни съ корольками называются ширкама. Подъ рубашкою носятъ они порты. По рубашкѣ подпоясываются поясомъ, къ которому назади прививаются заплетенные головные волосы. Между Вяткою и Волгою живущія черемисскія жены носятъ на поясахъ также и крупныя разноцвѣтныя корольки, съ привѣшенными по разнымъ мѣстамъ круглыми мѣдными бляхами, а притомъ и съ кистями нитяными, которыя висятъ до колѣна. Сей уборъ называютъ онѣ иленемъ. Такожъ онѣ носятъ онѣ на поясу по лѣвую сторону ножъ въ ножнахъ, а притомъ въ продолговатомъ небольшомъ мѣшечкѣ и деньги свои, или нѣчто по ихъ обыкновенію драгоценное, что имъ беречь хочется. Когда онѣ куда выходятъ, то сверхъ своего женскаго платья надѣваютъ еще мужской кафтанъ, а зимой шубу; обувь же носятъ, по обыкновенію русскихъ крестьянъ, онучи и лапти.

У вотяцкихъ бабъ въ платьѣ разность наипаче есть въ томъ, что нѣкоторыя къ повязкамъ берестянымъ, которыя какою нибудь истканью обложены и часто упоминаемыми

мѣлочьями убраны, привѣшиваютъ надъ глазами еще корольки; въ прочемъ же все носятъ на головѣ отъ одного уха къ другому бересто, какою нибудь истканью покрытое, вышиною въ четверть аршина. Сверхъ сего покрываются платкомъ четверугольнымъ, котораго одинъ конецъ виситъ спереди, другой сзади, а прочіе два по плечамъ. Сей платокъ не только по краямъ разноцвѣтными нитками выстроченъ бываетъ, но еще и съ бахромою. Такой головной уборъ называется у нихъ айшонъ. Удивленія достойно, когда случится ночью поздно проѣзжему къ вотякамъ захватить; ибо, какъ ихъ жены пробудившись отъ сна съ печи долой полезутъ, то онѣ въ своемъ уборѣ весьма странны покажутся, что мнѣ неоднократно случалось видѣть. Онѣ весьма скоро умѣютъ убирать свои головы. Волосы заплетаютъ въ косу, которую съ косникомъ, убраннымъ копейками и корольками, къ поясу привязываютъ. На рукахъ многія носятъ зарукавья корольковыя, какъ татарки. Рубашки бываютъ у нихъ такія же, какія у черемисокъ (и у чувашекъ). Сверхъ оныхъ носятъ онѣ еще особое платье, которое съ низу до верху прорѣзано, а рукава по польскому обыкновению съ плечъ висячіе, въ которыя рукъ не вдѣваютъ. Вообще, говоря, платье вотяцкихъ бабъ не таково хорошо, чисто и дорого, какъ у прочихъ у тамошнихъ народовъ.

У всехъ трехъ вышепоказанныхъ народовъ дѣвки отъ бабъ въ платьѣ разнятся тѣмъ, что онѣ на головахъ носятъ особой уборъ, такожь не смѣютъ надѣвать черемискія шуркъ и и ошпу, а вотяцкія айшонъ; но вмѣсто того носятъ на головахъ чепцы, серебряными копейками, или таковыми жъ оловянными блясками укладенные, какъ то обыкновенно у черемисъ и у вотяковъ бываетъ, или покрываются токмо выстроченными платками.

Все вышепоказанные народы питаются дома вскормленнымъ скотомъ и дикими звѣрьми, рыбами, полевыми и огородными овощами. Они великіе охотники до лошадинаго мяса, а напротивъ того, по татарскому обыкновению, свиной у себя не держатъ; однако большая часть изъ нихъ у русскихъ въ городахъ свиное мясо ѣсть не отрекаются; напротивъ того вотяки кажется охоту до свиной имѣютъ, ибо ихъ сотники и другіе зажиточные люди свиной иногда у себя водятъ.

Они всё любятъ кровь всякаго скота и звѣрей, и убивши съѣживаютъ оную весьма бережно.

Развѣ то въ прежнія лѣта была правда, что Оларіи написаль о черемисахъ, якобы они ни сѣютъ, ни жнутъ, но питаются токмо дичиною и медомъ, которой въ лѣсахъ собираютъ; но нынѣ производятъ они и земледѣльство, такъ, какъ чуваша и вотяки, изъ которыхъ не такъ сами какъ ихъ жены, наши пахутъ, да и во все зимнее время всякую домашнюю работу онѣ же дѣлаютъ. Онѣ имѣютъ у себя огороды, въ которыхъ сажаютъ капусту, рѣпу, огурцы, чеснокъ, лукъ, рѣдьку и проч. овощъ, котораго большую часть, яко излишній, въ города на продажу возятъ.

Хотя они медъ собираютъ въ лѣсахъ, однако изъ имѣющихся тамъ своихъ ульевъ. Скотоводство у нихъ вездѣ въ обыкновеніи. Живущіе при рѣчкахъ питаются и рыбой.

На промыслъ звѣриной ходятъ они всё весьма часто. Большихъ звѣрей ловятъ по большей части ямами, а мелкихъ сѣтми. Черемисы умѣютъ изъ луковъ стрѣлять весьма мѣтко и проворно, а чуваша изъ винтовокъ, которыя заряжаютъ пулями величиною меньше горошины, и стрѣляютъ наипаче изъ оныхъ бѣлокъ, глухихъ и полевыхъ тетеревовъ на деревьяхъ. Между вотяками стрѣляютъ нѣкоторые изъ луковъ, а другіе изъ ружья. Они во всю зиму иного ничего не дѣлаютъ, какъ токмо за промысломъ звѣринымъ ходятъ; ловятъ же и стрѣляютъ дичину въ толикомъ множествѣ, что сами всей съѣсть не могутъ, но почти еженедѣльно въ окрестные города для продажи отвозятъ.

Ремесленныхъ людей у нихъ столько нѣтъ, сколько къ убранству ихъ платья требуется, и что они на платьѣ употребляютъ, то покупаютъ у русскихъ: ножи, ножницы, мелкіе фарфоровые куски, шелехи, крупныя и мелкіе корольки, рульной табакъ, красныя и синія истганы и прочіе, у всѣхъ у нихъ весьма похожіе, товары, и на оныя мѣняютъ мѣха, а паче лисья, черевья, бѣлья, волчья и симъ подобныя. Въ сѣверной сторонѣ на Вяткѣ есть также и соболи, но добротою не таковы, какъ сибирскіе.

На Вяткѣ дѣлаются изрядныя чашки точенныя, и ежели оныя велики и притомъ тонко и чисто выточены, такожь и и олифою хорошо наведены, продаются не дешево. Помянутая

посуда дѣлается изъ нарослей на березахъ, которыя
раждаются на коркѣ помянутыхъ деревъ отъ дѣйствія соку
съ внѣшней стороны, и отъ воздуха столь крѣпки становятся,
что оныя весьма способно точить можно. Чѣмъ больше оныя
наросли и чѣмъ лучше жилы въ оныхъ бывають, тѣмъ и чашки
дѣлаются больше и лучше, и продаются дороже. Иногда точать
помянутыя чашки такъ тонко, что оныя прозрачны быва-
ють. Прежде наведенія олифою чашки бывають бѣловаты въ
просѣрѣ, съ черноватыми въ пробѣлѣ жилками; отъ олифы же
прочее дерево становится желто, а жилки темноваты въ про-
чернѣ. При покупкѣ такихъ чашекъ надлежитъ того смотрѣть,
чтобъ олифа была хороша и запаху противнаго отъ оной не
было. Чашки иногда бывають не цѣлыя, но складываются изъ
двухъ штукъ, и ежели въ оныя нальется горячая вода, то
разваливаются. Въ прочемъ же производить надъ ними опыты
надлежитъ такъ: положивши оныя въ горячую воду, не выни-
мать до тѣхъ поръ, пока тамъ разведутся и будутъ плоски, какъ
тарелка, а потомъ, какъ простудятся, по прежнему опять ста-
нутъ. Равнымъ же образомъ примѣчать надлежитъ, чтобы оли-
фа, которую не всякъ хорошо умѣетъ дѣлать, отъ горячей воды
не попортилась, а влитая въ чашки вода олифнаго бы запаха или
вкусу не приняла.

О семь можно читать въ Стралембергѣ, что онъ поды-
именемъ капъ пишетъ о помянутой посудѣ. Что же наросль
на березахъ называется капъ, то подлинно такъ, ибо и посуда
обыкновенно называется каповыми чашками, а когда онъ же,
Стралембергъ, пишетъ, будто жилы бѣлы, то не правда. Что
же кажется до червей, якобы они причиною были наросли, о
томъ я никакого подтвержденія получить не могъ, хотя сему стать-
ся и можно, потому что въ произведеніи естествомъ такихъ
вещей болѣе еще примѣровъ находится.

Помянутые три народа въ языкахъ между собою много
разнятся. Черемиской языкъ имѣетъ нѣкоторое сходство
съ финскимъ, а по жителству ихъ близь татаръ и рус-
скихъ, есть въ немъ много татарскихъ и небольшое число рус-
скихъ словъ. Чувашской болѣе сходствуетъ съ татар-
скимъ языкомъ, а вотяцкой много съ черемисскимъ, а
по большей части съ пермскимъ языкомъ. Каждый языкъ

раздѣляется еще на два особливые діалекта или нарѣчія. Черемисы, которые живутъ по правую сторону Волги и Кузмодемьянска, говорятъ инымъ нарѣчіемъ, нежели тѣ, которые жилища свои имѣютъ по лѣвую сторону, такъ что одни другихъ въ рѣчахъ и разумѣть не могутъ. Можно бы было думать, что въ черемисскомъ языкѣ разность произошла, можетъ быть, по близости отъ чувашскаго и мордовскаго языковъ; токмо то не правда, ибо оный языкъ есть особливое нарѣчіе.

Всѣ помянутые народы пребываютъ въ крайней слѣпотѣ своего невѣжества. У нихъ нѣтъ ни писемъ, ни книгъ, и ежели кто о томъ ихъ спроситъ, то въ шуткахъ говорятъ, что книги у нихъ „корова поѣла“. Стралембергъ, принимая сію пословицу якобы за правду, пишетъ, что есть у нихъ о томъ повѣсть; но какъ я спрашивалъ ихъ о томъ въ разныя времена неоднократно, „почитаютъ ли они то за правду“, то получили отъ нихъ отвѣтъ, что хотя у нихъ такая пословица и есть, токмо она употребляется въ шуткахъ.

У всѣхъ вышепомянутыхъ народовъ нѣтъ никакихъ повѣстей, кромѣ что которыя надлежатъ до ихъ закона, и одинъ отъ другаго по преданію содержатъ. Они не стараются ни о какихъ наукахъ, да и не желаютъ ни мало оными себя поправить. Трудно сыскать такой народъ, который бы не имѣлъ какого нибудь годоваго счисленія; но сіи народы не знаютъ ничего, когда годъ начинается, кромѣ что лѣто и зиму считая вмѣстѣ годомъ называютъ. Равнымъ же образомъ не имѣютъ они никакого понятія о мѣсяцахъ; однако недѣли они знаютъ, считая въ каждой по семи дней, и каждой день называютъ собственнымъ именемъ, что они по большей части отъ татаръ приняли.

Сперва надѣялся я получить у сихъ народовъ о древнихъ ихъ временахъ, о ихъ происхожденіи, о прежнихъ жилищахъ, о бывшихъ войнахъ и о прочемъ, нѣкоторое, хотя не ясное и съ баснословными обстоятельствами соединенное, извѣстіе, но тщетно. На таковые вопросы они нималога отвѣта дать не умѣютъ, а извиняются своею простотою, которая имъ о такихъ дѣлахъ размышлять не позволяетъ. Все то, что я къ приращенію исторіи и географіи по сказанію ихъ собрать могъ, состоитъ токмо въ маломъ числѣ названій народовъ, городовъ и рѣкъ, на разныхъ языкахъ сихъ народовъ.

Черемисы не называютъ себя черемисами, но „Мори“, которое имя у Стралемберга „Море“ или „Мере“ неправо написано. Помянутый же Стралембергъ пишетъ еще о вотякахъ, что они себя называютъ „Аррь“, а землю свою „Арима“, и потому разсуждаетъ, что у Плинія упоминаемый народъ Арамеи есть тожь, что и вотяки. Но я сего подтвердить не могу, ибо вотяки, въ которыхъ мѣстахъ я былъ, не называютъ себя „Аррь“, но именемъ „Удъ-Муртъ“. Слово „Удъ“ по черемиски именуется „Ода“ и есть имя собственное, а „Муртъ“ имя нарицательное, потому что русскихъ называютъ они на своемъ языкѣ „Дючь-Муртъ“. Сверхъ же того земля не называется по ихъ „ма“ (какъ у Стралемберга на разныхъ языкахъ въ его словарь объявляется), но „муземъ“; а у татаръ увѣдомился я, что вотяковъ „Аръ“ называютъ.

Черемисы русскихъ называютъ „Рушь“, а татаръ „Сюешъ“. Вотяки называютъ татаръ „Бигерь“; но почему, то мнѣ не извѣстно. Имя Казань также употребительно, токмо испорченномъ произношеніемъ: черемисы говорятъ „Озангъ“, чуваши „Хозанъ“, а вотяки „Кузонъ“. Есть еще и другія имена городовъ, которыя непрямо выговариваются, напримѣръ: у черемисовъ „Свіе“ т. е. Свіяжскъ, „Вюрсумъ“ т. е. Уржумъ, „Ипе“ т. е. Уфа. У чувашъ произносятся: „Свіа“ (Свіяжскъ), „Чобашкаръ“ (Чебоксарь), „Кокшанъ“ (Кокшайскъ), „Шозма“ (Шезминскъ) и пр.

Городъ Хлыновъ называется у чувашъ особымъ именемъ, а именно „Вятка“, по которому имени прозвана и вся провинція. Татары и черемисы называютъ помянутой городъ „Наукратъ“ и „Науградъ“. Рѣка Вятка по вышепоказаннымъ же причинамъ такъ же называется разными именами: вотяки именуютъ оную „Вятка-Камъ“, черемисы „Науградъ-Вичъ“, а татары „Наукратъ-Идель“. *Камъ, вичъ* или *виць* и *идель* на вышепомянутыхъ языкахъ значатъ вообще *рѣку*.

По вышепоказаннымъ обстоятельствамъ рѣка Кама называется разными именами: вотяки называютъ оную съ причаею „Буджимъ-Камъ“, т. е. большою рѣкою, черемисы „Чолманъ-Виць“, а татары „Чолманъ-Идель“; почему же такъ называютъ, тому причины я вывѣдать не могъ. А именемъ *Идель* у татаръ называется такожъ и Волга, яко знатнѣйшая въ тѣхъ мѣстахъ *рѣка*.

Понятіемъ естественнымъ о Богѣ и о Божіей твари вышеозначенные народы ни мало не просвѣщены и не достаточны. Всѣ члены ихъ закона, безъ всякаго одного народа предъ другимъ изъятія, вкратцѣ состоятъ въ слѣдующемъ.

Во первыхъ они вѣрятъ, что есть Богъ, который хотя на небѣ пребываетъ, токмо на всѣ человѣческія дѣла на земли смотритъ. Онъ имъ не токмо ниспосылаетъ всякое добро, но еще и отвращаетъ всякое зло; и того ради достойно есть ему поклоняться. Второе: вѣрятъ, что есть діаволь, который жилище свое имѣетъ въ водѣ, и дѣлаетъ имъ всякое зло и оскорбленіе, и чтобъ избавиться отъ его навѣтовъ, причину они имѣютъ также молиться Богу. Третіе: что они Бога грѣхами своими прогнѣвляють и за то должны ожидать себѣ наказанія, ежели они его не умолятъ. Четвертое и послѣднее: что Богъ тѣхъ, которые его съ моленіемъ просятъ, въ грѣхахъ прощаетъ, и которыхъ любитъ, всякимъ изобиліемъ въ семь житіи награждаетъ.

Кромѣ вышеписаннаго они болѣе ничего не знаютъ, такъ что и будущей вѣчной мукѣ и воздаянію быть нимало не вѣрятъ. То, что Оларій съ нѣкоторымъ черемисомъ о семь предметѣ разговаривалъ, кажется мнѣ весьма основательно. О семь же предметѣ говорилъ и я съ черемисскимъ старикомъ, и по многихъ разговорахъ на послѣдокъ получилъ нарочито разумной слѣдующій отвѣтъ: они, яко простые, низкіе и грѣшныя люди, почитаютъ себя недостойными къ наслѣдованію отъ высочайшаго ихъ Юма иной жизни; намъ же сопричастниками быть онаго блаженства не возбраняется, потому что Богъ вѣдаетъ, что мы во всемъ предъ ними преимущество имѣемъ.

Они вѣчнаго ничего не надѣются, ни боятся. Принося имъ Богу молитвы касаются только до временнаго состоянія ихъ самихъ, ихъ сродниковъ и ихъ имѣнія; а наказанія, которыя ниспосылаетъ на нихъ Богъ, по ихъ мнѣнію, состоятъ въ болѣзняхъ, въ безплодіи супружества, въ недородѣ плодовъ, въ несчастіи скотоводства, въ худыхъ удачахъ на промыслу звѣриномъ и въ рыбной ловлѣ, и во временной смерти; а наипаче боятся они, чтобы Богъ не убилъ ихъ громомъ. А понеже по всѣмъ вышепоказаннымъ обстоятельствамъ бѣдное состояніе сего народа и крайняя слѣпота ихъ невѣжества довольно явствуютъ, того ради тамошнее россійское духовенство не упускало съ своей стороны старанія языческой сей народъ многократно повто-

ренными представленіями и увѣщаніями склонять къ возпріятію православнаго христіанскаго закона; токмо всѣ такія старанія и понынѣ были безплодны, а которые, и то малое число изъ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ православную вѣру греческаго исповѣданія и возпріяди, то всѣ таковыя большею частью съ младенчества въ воспитаніи выросли у русскихъ. Старики о томъ совсѣмъ не хотятъ слышать. Ежели нынѣшнія учрежденія въ Силантовомъ монастырѣ Казанской епархіи, гдѣ по указу святѣйшаго синода, для обученія малолѣтнихъ отроковъ изъ онаго языческаго народа первымъ основаніямъ христіанскаго закона и російскому языку, заведена семинарія, во время свое къ желаемому концу обратитъ сей народъ не сильны будутъ, то за подлинно можно сказать, что впредь мало надежды къ тому останется.

По сему одному путешествующіе взяли поводъ разсуждать, якобы во обращеніи начало уже дѣйствительно учинено, что оныя три народа большіе праздники, которымъ христіанская церковь предъ прочими отмѣнно празднуетъ, яко Рождеству Христову, Пасхѣ и Пятидесятницѣ, такожь нѣкоторымъ образомъ, а именно упокоеніемъ чрезъ нѣсколько дней отъ дѣлъ своихъ, празднественно препровождаютъ. Они въ городахъ спрашиваютъ прилѣжно, когда оныя праздники случаются, и хотя въ счетѣ иногда нѣсколькими днями ошибаются, однакожь обыкновенію ихъ то не препятствуетъ нимало. Страдебергу можетъ быть сіе подало поводъ сказать, что чувашіи нѣсколько о Христѣ знаютъ: токмо я могу увѣрить, что то не имѣетъ никакого основанія, и что вышепомянутое обыкновеніе произошло отъ свѣтскаго русскихъ обыкновенія. Равнымъ образомъ и по тому заключать не должно, что живущіе близъ Казани черемисы отдають нѣкоторое почтеніе стоящей на Спасскихъ воротахъ Казанской крѣпости въ большомъ кивотѣ мѣстной иконѣ Нерукотвореннаго Спасителява Образа, которому они пріѣзжая въ городъ свѣчи ставятъ; ибо извѣстно есть, что они дѣлають сіе опять послѣдуя русскимъ, и по моему мнѣнію, можетъ быть смотря на величину образа, отдають оному почтеніе; но татары имъ въ томъ весьма смѣются, и не безъ основанія можно думать, что татары по большей части чинятъ препятствіе, что изъ нихъ столь мало въ христіанской законъ обращаются. Объявленіе же Гвагниново, которое и

Олеарій въ своемъ сочиненіи приводитъ, очень основательно, якобы нѣкоторые изъ черемисъ держать магометанской законъ, и по рожденіи вскорѣ обрѣзываются: и сіе можетъ быть отъ того произошло, что какъ черемисы, такъ и прочіе языческіе народы, равно съ магометанами празднують пятницу, яко великой день въ недѣлѣ, въ которой они и никакой работы не отправляютъ. Въ сей день не служатъ у нихъ никакой службы, но не знаютъ показать причины, для чего они пятницу паче прочихъ дней въ недѣлѣ празднуютъ; и сіе кажется мнѣ паки мірское обыкновеніе, которое вошло къ нимъ отъ ихъ сосѣдовъ татаръ.

Все три народа содержатъ одинакой языческой законъ и въ принадлежащихъ къ тому обрядахъ почти никакой разности не имѣютъ. Кажется, что можно заключить и по именамъ, которыми и черемисы и чуваши называютъ поклоняемаго ими бога, якобы у черемисъ Юма есть тотъ же, что въ древнія времена у финновъ Юмала, а чувашской Тора тожъ, что у старинныхъ готовъ Торъ. Кромѣ сего бога почитаютъ чувашы еще нѣсколько малыхъ божковъ, яко защитниковъ и хранителей нѣкоторыхъ деревень и мѣстъ, и сравниваютъ оныхъ съ нашими святыми.

У нихъ у всѣхъ нѣтъ никакого особливаго дня, въ который бы они паче прочихъ къ отправленію Божіей службы сходились; ибо хотя они, какъ выше показано, пятничной день нѣкоторымъ образомъ свято содержатъ, токмо сего обыкновенія нельзя нисколько утвердить по ихъ закону. Время ихъ благоговѣнія основаніе свое имѣетъ на тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они находятся, или на тѣхъ причинахъ, по которымъ они нужду имѣютъ просить о помощи ихъ бога.

Равнымъ же образомъ по обыкновенію другихъ народовъ нѣтъ у нихъ никакихъ молитвенныхъ домовъ. Они отправляютъ свои молитвенныя приношенія въ своихъ домахъ или на непокрытомъ мѣстѣ, а по большей части въ отдаленныхъ лѣсахъ, гдѣ они для такого дѣйствія какое нибудь мѣсто вокругъ заборомъ обгораживаютъ и посреди онаго поставляютъ нѣсколько столбовъ, покрывая оныя деревянною кровлею, а подъ оною столбъ и нѣсколько скамей. Такія мѣста на всѣхъ трехъ языкахъ называются однимъ именемъ *кереметь*.

Между Вяткою и Камою въ вотяцкихъ деревняхъ слу-

чилося мнѣ примѣтить, что вотяки свои керемети имѣютъ такожь на непокрытомъ мѣстѣ, что можетъ быть дѣлается для того, что они тамъ отъ прочихъ народовъ живутъ отдѣльно, и въ отправленіи своихъ молитвъ никакого опасенія не имѣютъ.

Иногда же у каждой семьи есть по одной собственной керемети, а у иной и болѣе; да сверхъ того въ каждой деревнѣ находится по общей большой керемети, гдѣ они ежегодно въ нѣкоторый день, котораго число переходитъ и опредѣляется отъ стариковъ въ той деревнѣ, съобща молитвы свои отправляютъ. Да есть же у черемисовъ во всякомъ дистриктѣ по особой керемети, въ которую изъ 10—20 деревень и болѣе жители въ одно время въ годовые большіе праздники собираются.

Такая же кереметь находится при небольшой рѣкѣ Усемдѣ¹⁾ на высокой горѣ, о которой упоминаетъ и Олеарій, но въ томъ погрѣшаетъ, что онъ Усемду называетъ небольшимъ озеромъ. На Вяткѣ, версть около 80 повыше Уржума, есть большая слобода называемая Кукурскъ²⁾, которая прежде сего была городомъ, какъ по званію видѣть можно, по тому, что оное слагается изъ двухъ словъ *ку* и *каръ*, изъ которыхъ послѣднее на вотяцкомъ языкѣ значить городъ. Подъ оною слободою съ правой стороны впала въ Вятку рѣка Пышма, а въ двухъ верстахъ повыше устья впала въ Пышму Усемда.

Когда Стралембергъ о язычникахъ вотякахъ пишетъ, будто они помянутую рѣчку весьма свято почитаютъ, и приносятъ при оной жертву и служатъ свою суевѣрную службу, то не правда; ибо въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ ни одного вотяка, но жительство имѣютъ токмо черемисы; притомъ же я, будучи въ Казани, говорилъ съ разными черемисами, которые при помянутой рѣкѣ живутъ, и отъ нихъ о томъ получилъ потребное извѣстіе.

Малая рѣчка называемая Шокшемъ, о которой и Олеарій упоминаетъ, находится въ тѣхъ же мѣстахъ. Она впала въ рѣчку Оніу, Оніу въ Лапш, а сія въ Усемду. О объявленномъ особомъ жилищѣ дьявола, по сказанію Олеарія, тамошніе жители ничего не знаютъ, кромѣ что, какъ прежде показано, думаютъ, что дьяволъ въ водѣ живетъ.

1) Очевидная описка въ рукописи вм. «Немдѣ».

2) Въмѣсто «Кукурскъ».

На сихъ мѣстахъ у нихъ отправляема бываетъ языческая ихъ служба такъ, какъ и въ дому, и въ общихъ собраніяхъ, въ большіе годовые праздники, и какъ при особливомъ случаѣ, въ разсужденіи главныхъ обрядовъ у всѣхъ трехъ народовъ одинако; токмо въ нынѣшнія времена въ нѣкоторыхъ небольшихъ неважныхъ обстоятельствахъ, смотря по случаю, между ими въ томъ есть нѣкоторая разность.

Въ каждомъ народѣ есть нѣкоторые особливые люди, которые у русскихъ ворожеями называются, и имъ по соединенному съ тѣмъ суевѣрію подобны. Такіе люди всѣ бываютъ сѣдобородые старики, которые между прочими, по мнимому ихъ о будущихъ случаяхъ предсказанію, или по нѣкоторому съ Богомъ тайному обязательству, состоятъ въ великомъ почтеніи. Черемисы называютъ ихъ мушанъ или мушангече, чуваші юммасъ или юммазе, а вотяки тона или туно. Иногда бываютъ такіе колдуны и бабы ворожей. Не во всѣхъ же деревняхъ случается имѣть по мушану, юммасу, или тонѣ, но временемъ четыре деревни и болѣе довольствуются однимъ колдуномъ. Оныхъ колдуновъ по справедливости можно почесть за начальниковъ ихъ суетной и самовольно вымышленной жертвы; ибо все зависитъ отъ ихъ повелѣнія, гдѣ, когда, какимъ образомъ службу служить, а паче какую животину и при какомъ случаѣ въ жертву приносить надлежитъ, потому что ихъ служба наипаче состоитъ въ жертвоприношеніи звѣрей, которыхъ они сами послѣ въ снѣдь употребляютъ. Жертвоприношеніе ихъ къ Богу происходитъ не отъ естественнаго просвѣщенія и внутренняго побужденія, но паче отъ случайнаго намѣренія о приключившемся временномъ несчастіи. Ежели бы не такъ, то бы они всеконечно нѣкоторой одинъ день предъ прочими всевышнему Богу посвятили; но того у нихъ нѣтъ; ибо не одинъ о Богѣ не думаетъ, пока кто изъ семьи не занеможетъ, или не заразится ихъ скоть какою язвою, или будетъ имъ несчастіе въ промыслу звѣриномъ и рыбномъ, или недородъ въ хлѣбѣ, и проч. Ежели случится несчастіе токмо одной семьѣ, то кромѣ оной другіе никакого покаянія не приносятъ; ежели же какое зло постигнетъ всѣхъ, то вся деревня, или и окрестныя мѣста обращаются на покаяніе. Что бы ни было, о томъ о всемъ предлагается сперва мушанамъ, юмсамъ, или тонамъ.

Колдуны у чувашъ, у черемисъ и у вотяковъ ворожатъ

бобами, а именно: взявши числомъ 41 бобъ, при всѣхъ на столѣ ихъ раскладываютъ и передвигаютъ нѣсколько разъ по разнымъ мѣстамъ, пока усмотрятъ, что требующимъ по ихъ желанію или въ противность сдѣлалось. Во время сей ворожбы смотритъ колдунъ не спуская глазъ на бобы и притомъ приказываетъ, на какомъ мѣстѣ, въ которой день, въ которой часъ, и съ какими людьми, и приношеніемъ какой животины умиловлять имъ должно прогнѣвавшася бога.

Черемисскіе мушаны и чувашскіе іоммасы, взявши свой поясъ, мѣряютъ онымъ свой локоть съ пястью руки. Чувашскіе іоммасы, положивши на столъ небольшие два куса хлѣба и два угля на четыре угла, да въ средину еще одинъ кусокъ хлѣба, въ послѣдній втыкаютъ иглу, и поднявъ руку вверхъ держать и смотрятъ, куда игла съ хлѣбомъ поворотится, къ хлѣбу ли, или къ углю; но при семъ дѣйствиіи не сказываютъ они ничего, а токмо приказываютъ, что требующему дѣлать надлежитъ.

Вотяцкіе ворожеи больше ворожатъ нюхательнымъ табакомъ, которой въ рукахъ держать, или наливши въ чарку вина мѣшаютъ оное мѣшалкою или ножемъ скоро, и смотрятъ нѣсколько времени въ налитую виномъ чарку весьма прилежно.

Въ нѣкоторой вотяцкой деревнѣ имѣлъ я случай видѣть вотяцкаго тону и сдѣлать опыты надъ ихъ колдовствомъ. Хотя я у вотяковъ и у прочихъ народовъ часто спрашивалъ про такихъ колдуновъ, токмо всегда сказывали мнѣ, что такихъ людей въ той деревнѣ или нѣтъ или куда нибудь отбыли; однако принужденъ я былъ приказать вотяцкаго тону сыскать силою. Сіи люди весьма боятся, чтобы мнимая святость ихъ тоновъ ни чѣмъ не была опорочена.

Помянутой тона былъ мужикъ въ большой деревнѣ, называемой Самаранъ-Пилги¹⁾, которая почитается первою вотяцкою деревнею, и чрезъ оную изъ Казани въ Кунгуръ ѣздятъ, чумкасовъ съ 4 на востокъ отъ рѣки Вятки. Онъ сказывалъ, что ему отъ роду лѣтъ съ 60. Борода у него темнорыжая, и на взглядъ предъ своею братьею гораздо лукавѣе. При семъ случаѣ показалъ я себя весьма важнымъ, сколько мнѣ возможно было,

¹⁾ Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Вятской губ.» значится (№ 3663) д. Сарамакъ-Пелги, на рч. Сарамачкѣ, въ 52 вер. отъ Елабуги, недалеко отъ черемисскаго Сарамака.

дабы ему не примѣтить, что я его велѣлъ привести токмо для разговора, или для вывѣданія его мудрости; а призвать я его велѣлъ для слѣдующей причины: на проѣздѣ отъ прежняго до тутошняго стану пропала у меня нѣкоторая вещь; и хотя думалъ я, что конечно оную изъ саней украли у меня ящики, однако жъ желалъ, чтобъ онъ указалъ мнѣ того вора, дабы мнѣ возвратить свою пропажу. По семъ попросилъ онъ у меня нѣсколько нюхательнаго табаку и взявши оной въ лѣвую руку пальцами кругомъ теръ, а притомъ нѣсколько пособлялъ къ растиранію онаго пальцами и правой рукой. Какъ казалось, во время сего дѣйствія, оной колдунъ не спуская глазъ смотрѣлъ на табакъ весьма пристально; потомъ, какъ можно думать, дабы ящиковъ вывести изъ подозрѣнія объявленной покражи, сказалъ, что та вещь забыта въ прежней деревнѣ, гдѣ мы новыя подводы брали, и хозяинъ-де, у котораго мы ночлегъ имѣли, о томъ весьма сожалѣеть и желѣть, чтобъ эта вещь опять взята была.

Тѣмъ я былъ доволенъ, однако надъ искусствомъ сего угадчика хотѣлъ я учинить еще опытъ и сказалъ, будто я чувствую въ себѣ жестокое колотье, и желаю, чтобъ отъ той болѣзни чѣмъ вылѣчиться. Сей колдунъ или тона можетъ быть подумалъ, что я, яко невѣрный, недостойнъ его пользованія, или можетъ быть боялся лѣчить меня своимъ лѣкарствомъ, чтобы за неѣвѣстительную онаго силу не попастьъ ему въ наказаніе; того ради искалъ онъ случая уйти, говоря, что мы скоро приѣдемъ въ татарскую деревню, и тамъ надлежитъ мнѣ требовать помощи у абыза или татарскаго попа, который прочтетъ во утоленіе болѣзни статью изъ алкорана, и отъ того-де ты придешь опять въ прежнее здоровье. Читеніемъ изъ алкорана татары магометанскаго закона отъ болѣзней своихъ обыкновенно пользуются; да и въ сосѣдствѣ живущіе народы иногда тому же послѣдуютъ. На сіе не взирая, старался я всякими мѣрами пользоваться отъ него и принуждалъ его ласкою и силою, увѣряя его совершенною своею на него надеждою, пока онъ не попросилъ съ виномъ чарки. Какъ ему чарку съ виномъ дали, то спросилъ онъ о моемъ имени. Я ему сказалъ не прямое имя, но какое тогда мнѣ вздумалось. Онъ всему тому повѣря, взялъ ножъ и мѣшалъ въ чаркѣ вино нарочитое время, смотря въ оную пристально шепталъ нѣчто неразумительное. По семъ давалъ мнѣ изъ помянутой чарки вино, будто какое лѣкарство, выпить;

только я не могъ себя принудить, чтобы выпить оное вино, но просилъ, дабы онъ самъ вмѣсто меня выпилъ, что онъ охотно и учинилъ, обнадеживая, что то все равно, и болѣзнь чрезъ нѣсколько часовъ утолится.

О семъ тѣмъ извѣстнѣе можно было ему напередъ угадать, поелику онъ заподлинно зналъ, что мы чрезъ четверть часа въ путь отправиться намѣрены были. Притомъ я его еще спросилъ, — какія онъ мѣшая въ чаркѣ вино слова шепталъ? и въ отвѣтъ получилъ, что сказать ему сего не можно, ибо де отъ того все дѣйствіе будетъ бесплодно, и нѣсколько поговоря вдругъ ушелъ такъ, что и найти его не можно было. По всему вышесказанному явствуетъ не что иное, какъ крайнее невѣжество или, вѣроятнѣе сказать, обманство сего народа.

У черемисъ, кромѣ мушановъ, есть еще другіе духовные люди, которые у нихъ юктючь называются; а должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы при отправленіи ихъ службъ учреждать порядки и читать молитвы. У чувашъ же и у вотяковъ такихъ людей не бываетъ, потому что у нихъ каждой хозяинъ должность черемисскаго юктюча отправляетъ.

Служба ихъ состоитъ въ приношеніи въ жертву нѣкоторыхъ животныхъ, которыхъ они колютъ и варятъ, и по отправленіи надъ оными молитвъ отъ служащихъ по обѣщанію службу людей, оныхъ въ снѣдь употребляютъ. Въ числѣ приносимыхъ въ жертву животныхъ наипаче бываютъ лошади, быки, коровы и овцы; а иногда гуси, утки, куры, тетеревы, полевые зайцы и проч. Свины изъ того числа выключаются, потому что большая часть изъ черемисовъ свинымъ мясомъ гнушаются. Дикихъ птицъ и звѣрей мелкихъ приносятъ они въ жертву при отправленіи домашнихъ своихъ службъ, а крупной скотъ въ кереметяхъ; вотяки же дикихъ птицъ и звѣрей въ духовныхъ своихъ обрядахъ не употребляютъ. У всѣхъ тѣхъ народовъ приносятся въ жертву болѣе лошади, и въ большіе годовые праздники на жертву приводятъ по большей части бѣлыхъ лошадей; а изъ черемисъ никто кромѣ тѣхъ, которые прежде мылися въ банѣ и надѣли на себя бѣлыя рубахи, сихъ вѣтъ не дерзаютъ. Что надлежитъ до бань, то кажется, что сіе обыкновеніе съ другими многими вошло къ нимъ отъ татаръ. Такому обыкновенію больше послѣдуютъ тѣ черемисы, которые при всякомъ случаѣ, по примѣру татаръ, моются и въ баняхъ

парятся, притомъ же и по совокупленіи съ женою омытіе за законную причину почитаютъ.

По приводѣ скота на жертвенное мѣсто, черемисской юкточъ приказываетъ особливому человѣку оной скотъ бить; а у чувашъ и у вотяковъ отправляетъ то кто хочетъ. Притомъ же наипаче примѣчать надлежитъ, что убитой скотины крови ни капли напрасно не теряютъ; а кожу здираютъ, пока убитая скотина еще совершенно не утомилась, и въ знакъ своего благоговѣнія вѣшаютъ такіа кожи въ кереметѣ противу востока на деревьяхъ, а именно на дубу или на березѣ, которыя они паче прочихъ деревъ въ чести имѣютъ.

Хотя черемисы обыкновенно вѣшаютъ токмо кожи лошадиныя, а коровьихъ и овечьихъ не вѣшаютъ; токмо оныя, яко вещь святуя, держатъ у себя въ дому въ сохранности и не продаютъ, но берегутъ для своихъ потребъ, чтобъ онымъ не попасться въ чужія руки и тѣмъ бы не быть оскверненнымъ. Чуваша же и вотяки вѣшаютъ всякіа кожи; токмо вышепомннутые обряды не такъ точно наблюдаютъ, какъ черемисы, потому что многіе изъ нихъ такіа кожи и въ города на продажу отвозятъ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ близко русскіе или татары живутъ, вѣшать кожи весьма опасно бываетъ, ибо оныя изъ кереметей часто крадутъ.

Вынявши и выполоскавши кишки, мясо рѣжутъ безъ дальнаго разѣканія въ средніе куски, которое они вмѣстѣ съ кишками въ одномъ котлѣ варятъ; токмо жиръ съ кишокъ напередъ обдираютъ, и смѣшавши съ кровью и съ крупю, начиняютъ онымъ сычуги или пузыри, и зашивши горло ихъ нитками или укрѣпивши спицами, въ томъ же котлѣ варятъ.

Черемисы и вотяки варятъ и поѣдаютъ всю убитую тогда скотину в д р у г ѣ. У нихъ почитается за грѣхъ, ежели хотя малое что останется; и того ради въ приношеніи жертвы толикое число и людей опредѣляется, чтобы все съѣсть можно было.

Вареное мясо кладется посреди керемети на столъ. Прежде яденія у черемисъ юкточъ, а у прочихъ народовъ хозяинъ, или который между ими познатнѣе, обратившися лицомъ на востокъ, читаетъ приличныя ко учрежденной ихъ жертвѣ краткіа молитвы. Онъ становится яко главнѣйшій напередѣ, приклоняетъ свою голову даже до земли, а прочіе стоящіе позади его тоже дѣлаютъ.

У черемисъ главнѣйшая молитва состоитъ въ словахъ: „Юма сирлага“, т. е. Господи, помилуй насъ!

Олеарій пишетъ о черемисахъ, что они молятся повѣшенной кожѣ убитой скотины. Они причитаютъ себѣ въ великое поношеніе, когда ихъ тѣмъ порицаютъ; а такая погрѣшность можетъ быть вышла отъ того, что кожи въ кереметяхъ обыкновенно вѣшаются на ту же сторону, на которую и отправленіе молитвъ бываетъ, т. е. на востокъ. Равнымъ же образомъ и то несправедливо, когда Олеарій объ нихъ пишетъ, что они молятся солнцу и лунѣ; ибо какъ черемисы, такъ и прочіе народы, въ своихъ кереметяхъ, о которыхъ знаютъ, какъ оныя стоятъ, никогда къ солнцу, гдѣ оно во время приношенія ихъ молитвъ находится на небѣ, не обращаются, но всегда становятся лицомъ на востокъ.

Къ сей ихъ священной службѣ хлѣбъ пекутъ изъ муки пшеничной, ржаной, или овсяной, по возможности каждаго, нарочно прѣсною, большими короваями, и съ жертвеннымъ скотомъ вмѣстѣ въ кереметь относятъ.

Оставшіяся кости собираютъ они все до одной, и принесши съ собою въ домъ, пережигаютъ въ печахъ въ пепелъ, дабы оныя не попалися собакамъ, или другому какому звѣрю. Помянутыя кости почитаются у нихъ за вещь святую, яко такого животнаго, которое посвящено всевышнему Богу. А что Стралебергъ пишетъ, что будто они кости съ кожами на деревьяхъ вѣшаютъ вмѣстѣ, то несправедливо.

По примѣру татаръ, не имѣютъ они у себя ни писаныхъ красками, ни рѣзныхъ и деловъ, и тѣмъ разнствуютъ отъ прочихъ языческихъ и идолопоклонническихъ народовъ, которые литымъ и деревяннымъ, или и красками писаннымъ, молятся и поклоняются. Токмо между черемисами находятся нѣкоторыя, что на ободранныхъ липовыхъ коркахъ вырѣзываютъ нѣкоторыя фигуры, которыя ничего не значать, и оныя корки въ знакъ своего благоговѣнія въ лѣсахъ вѣшаютъ. Помянутыя липовыя корки съ вырѣзанными на нихъ фигурами называютъ они «куда-водашь».

Между свѣтскими поведеніями и обыкновеніями сихъ народовъ полагаю во первыхъ ихъ послушаніе и обязательство, которыя они другъ другу, тако жъ и ихъ старшинамъ, при всякихъ

случаяхъ оказываютъ; потомъ слѣдуютъ ихъ обряды и обычаи, которые происходятъ на родинахъ, на свадьбахъ и на похоронахъ; на послѣдокъ ихъ забавы въ пляскѣ и въ играхъ.

Ежели одинъ другому что обѣщаетъ или съ кѣмъ въ договоръ вступаетъ, то оное обязательство для большаго утвержденія и увѣренія бываетъ при нѣкоторыхъ порукахъ или свидѣтеляхъ. При заимодавствѣ заимодавецъ и должникъ берутъ двѣ палочки, которыя между собой складываются, и на оныхъ палочкахъ вырѣзываютъ столько крестовъ (xxx) или зарубокъ (ш), сколько будетъ гривенъ или копеекъ, и каждый вырѣзываетъ на своей палочкѣ, на концѣ подъ крестами или подъ зарубками, какой нибудь вмѣсто рукописанія знакъ, какой кому на умъ придетъ для себя выбрать, которой они во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется подписка, обыкновенно употребляютъ. Потомъ палочками оными между собою размѣниваются, которыя у нихъ такую же силу имѣютъ, какъ у насъ наикрѣпчайшія обязательныя письма. Но сіе поведеніе служитъ у нихъ въ такой токмо суммѣ денегъ, въ которой не свыше десяти рублей; ежели же будетъ болѣе десяти рублей, то берутъ они въ такихъ долгахъ въ городѣ записи.

Когда случится генеральная присяга или кто взятъ будетъ въ солдатскую службу, то обязательство дѣлается у нихъ слѣдующимъ образомъ: старшина, или который въ деревнѣ познатнѣе, нарѣзываетъ хлѣба четвероугольными кусками величиною такою, чтобы въ ротъ положить можно было, и посыпавши солью даетъ по куску въ ротъ присягающему съ конца ножеваго, говоря при томъ такія слова: „ты обѣщаешься теперь, напр. по преставленіи такого-то Монарха, наслѣднику его во всемъ, не щадя живота своего, вѣрнымъ подданнымъ быть; и какъ ты подлинно желаешь впредь хлѣбомъ и солью насыщаться, то такъ же совѣстно старайся о сохраненіи клятвеннаго твоего обѣщанія“. При взятѣ въ солдатскую службу, предъ присягающимъ держатъ два палаша концами вверхъ, крестъ на крестъ, и чрезъ оные палаша, такъ, какъ и прежде объявлено было, отъ кого нибудь изъ нихъ дается въ ротъ хлѣбъ съ солью.

При случаѣ родинъ не бываетъ у нихъ никакихъ дальнихъ обрядовъ, такъ что родители по большей части даютъ имена новорожденнымъ дѣтямъ по имени того, кто векорѣ послѣ родовъ первый въ домъ ихъ придетъ. Ежели же никого

скоро не будетъ, то родители даютъ имена дѣтямъ по своему благоизобрѣтенію; или напр. буде родится сынъ, а придетъ сперва въ домъ женщина, то, поелику оному мальчику по званію той женщины женскаго имени дать не можно, въ семъ случаѣ пришедшая женщина должна новорожденному назначить другое имя, какое ей вздумается. Они почитаютъ себя за счастье или за доброе предзнаменованіе, когда во время родовъ или вскорѣ потомъ люди къ нимъ приходятъ, которыхъ они въ показаніе своей радости пивомъ и медомъ, а буде есть достатокъ, то и виномъ подчиваютъ. Ежели же никто не придетъ, то вмѣняютъ они себя за несчастье и за худые знаки.

Напрасно ихъ въ томъ порочатъ, будто бы они своимъ дѣтямъ давали имена по званію тѣхъ животныхъ, которые сперва вскорѣ по рожденіи младенца на дворъ къ нимъ войдутъ. Между чувашами и вотяками находятся многіе, которые, оставя прежнее свое обыкновеніе, по примѣру русскихъ просятъ иногда русскихъ же къ себѣ въ кумовья, почему нѣкоторые изъ сего народа и русскими именами называются.

У сихъ народовъ природныя ихъ собственныя имена суть слѣдующія. У черемисъ мужскія имена: Аксюнь, Кундуганъ, Тойдерекъ, Тилмемекъ, Игапкахъ, Тойбатиръ, Токсовой и пр.; женскія званія: Асилдикъ, Кюстелеть, Ксилбикахъ, и пр. У вотяковъ мужскія званія: Дузमेке, Ишкѣика, Камашъ, Аишученъ, Эшмурза, Батырь, Кашерка и пр.; женскія имена: Туйбикѣ, Байбикѣ, Нюлкѣ и др.

Гваниново объявленіе о черемисахъ, которое приведено у Оларія, что нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ послѣ рожденія дѣтей своихъ обрѣзываютъ, совѣмъ ложно. Что касается до ихъ супружества, то у нихъ, по примѣру всѣхъ восточныхъ народовъ, многоженство позволено; однакожь никто болѣе пяти женъ у себя не имѣетъ; а большая часть, особливо у вотяковъ, за скудостію ихъ, по одной или по двѣ жены у себя держатъ. У черемисъ и у чувашъ достаточные люди женятъ сыновей своихъ пяти и шести лѣтъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ домашней работѣ болѣе имѣть вспоможенія; ибо у нихъ жены, какъ и у татаръ, совѣмъ покорны быть должны. Вотяки отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ дѣтей своихъ никогда не женятъ.

Притомъ же законы сродства наблюдаютъ они такъ

точно, что оныхъ ни мало не нарушаютъ. На сестрахъ и на сестриныхъ дѣтяхъ они не женятся; братьямъ не можно брать за себя двухъ сестеръ; одинъ не беретъ въ одно время двухъ сестеръ; токмо есть у нихъ въ обыкновеніи, что оставшуюся по смерти большаго брата во вдовствѣ жену беретъ за себя меньшой братъ, но большому брату въ такомъ же случаѣ того дѣлать не позволяется. Они особливо любятъ жениться на двухъ или на трехъ сестрахъ по одиночкѣ. Въ Казанскомъ уѣздѣ вотяцкой сотникъ, именемъ Кáтерка, хотя не по правиламъ, однако въ одно время женился на двухъ сестрахъ, которыя и по нынѣ живутъ съ нимъ. При зговорѣ и женитьбѣ на вдовѣ, которая сама въ себѣ вольна, никакихъ большихъ околичностей не бываетъ. Тотъ, кто хочетъ ее за себя взять, засылаетъ свата, и какъ онъ съ нею о томъ согласится, то въ назначенной съ обѣихъ сторонъ день, въ провожаніи множества веселыхъ свадебныхъ гостей, отводится въ домъ къ жениху, гдѣ свадьба безъ всякихъ дальностей совершается; ежели же женится на дѣвѣ, то много отмѣны бываетъ.

Во первыхъ родители, или вмѣсто ихъ ближніе сродники, дѣвокъ даромъ за мужъ не выдаютъ, но по татарскому обыкновению за выводъ ея платитъ женихъ нѣсколько денегъ, что у татаръ „калымъ“, у черемисовъ „олонъ“, у чувашъ „голонъ-окси“, а у вотяковъ „калюмъ“ называется. Такихъ выводныхъ денегъ дается много или мало, смотря по красотѣ, богатству и знати невѣсты, или у жениха много женъ есть или было; а больше смотрятъ на богатство, сколько отцы или сродники за невѣстою даютъ приданаго. Вотяки, которые прочихъ народовъ убожѣе, даютъ за дѣвку по 5, по 10, по 15 рублей; черемисы и чуваша неубогіе платятъ по 10, по 20, по 30 рублей; а черемисы въ Кунгурскомъ уѣздѣ, которые всѣхъ богатѣе, даютъ по 100 и болѣе рублей. Ежели кто сверхъ первой жены похочетъ взять другую, то отцы, опасаяся будущаго между женами ревнованія, дочерей своихъ выдаютъ неохотно, и того ради просятъ за нихъ дороже. Равнымъ же образомъ, когда у кого нѣсколько женъ умерло, то не меньше же имѣютъ опасенія въ случаѣ смерти о наслѣдникахъ. Которые находятся не въ состояніи высокой калымъ заплатить или не хотятъ денегъ истерять, тѣ ищутъ способа, чтобы силою достать любезную свою невѣсту; и такъ подговариваютъ они себѣ на вспоможеніе нѣсколько человекъ

изъ своихъ пріятелей и въ тотъ домъ, гдѣ живетъ невѣста, врываются силою и дѣвку уводятъ; при чемъ вотяки для большей безопасности, и дабы полученная добыча тѣмъ была надежнѣе, тотчасъ на дорогѣ при нѣкоторыхъ свидѣтеляхъ съ увезенною дѣвкою совокупаются. Тоже дѣлается, когда кто по смерти первой жены пожелаетъ жениться на сестрѣ ея, а отцы выдать за него не похотятъ.

Сватовство происходитъ посредствомъ третьяго человѣка; къ тому же, когда женихъ еще молодъ или состоитъ подъ властію отца своего, то за него самъ отецъ сватаетъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ съ жениховой и съ невѣстиной стороны, положить калымъ, и договариваются до тѣхъ поръ, пока о томъ согласятся. Ежели же вдова имѣетъ у себя отца и мать и живетъ у нихъ въ домѣ, то жениху должно и за нее такъ же заплатить нѣкоторой калымъ, но не столь великой, какъ за дѣвку. Притомъ же должно договориться, сколько невѣста жениху принесетъ приданаго; а обыкновенно бываетъ такъ, что за невѣстою дается приданое смотря по калыму, и отцы или сродники на невѣсту уборъ кладутъ изъ помянутаго же калыма.

При зговорѣ назначается срокъ къ игранію свадьбы по 4 или по 6 недѣлямъ, а иногда и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и въ то время варятъ они пиво и медъ, и заготавливаютъ съѣстные припасы какъ у отцовъ невѣстиныхъ, такъ и въ дому жениховомъ. На свадьбу зовутъ всѣхъ обывателей той деревни, а временемъ и изъ другихъ деревень, когда новозговоренные живутъ не въ одной деревнѣ. Однако черемисы зовутъ въ гости только черемисъ, а вотяки токмо вотяковъ, а прочихъ пріятелей и знакомцевъ, которыхъ кто изъ другаго народа имѣетъ, тако жъ ежели въ сосѣдствѣ живутъ русскіе, татары или другіе какіе, съ которыми женихъ особливо знается, просятъ вскорѣ послѣ свадьбы, поелику забавы у нихъ продолжаются дни по 3 и по 4, а иногда и цѣлую недѣлю.

Съ жениховой и съ невѣстиной стороны сперва пирушки бываютъ порознь. Гости приносятъ съ собою кушанье и питье, и каждой подбиваетъ всѣхъ своимъ. Свадебные обряды у вотяковъ короче всѣхъ бываютъ. Они ѣдятъ, пьютъ, играютъ ли пляшутъ до тѣхъ поръ, пока пивомъ и виномъ допьяна упыются,

и послѣ того отходить женихъ съ невѣстою спать. У черемисъ свадебныхъ обрядовъ бываетъ болѣе.

У черемисъ въ дому невѣстина отца нѣсколько времени гости подчуются, и по заплатѣ отъ жениха положеннаго на сговорѣ сватомъ калыма, невѣста, въ провожаніи съ ея стороны гостей, отводится въ домъ къ жениху; отецъ и мать и ближніе сродники при томъ плачутъ весьма жалостно, и ни одинъ изъ нихъ ее не провожаетъ, кромѣ брата и сестры ея. У невѣсты лице всегда бываетъ закрыто платкомъ, пока она не вступитъ въ домъ жениховъ. На дворѣ у жениха раскидывается шатеръ, въ которой невѣста приводится двумя женщинами, одна изъ нихъ съ невѣстиной, а другая съ жениховой стороны, которая при входѣ на жениховъ дворъ ее принимаетъ. Я не знаю, да и навѣдаться не могъ, что у нихъ въ шатрѣ бываетъ, ибо и тѣ, которые мнѣ о семъ сказывали, сильною клятвою божились, что они и сами про то не знаютъ, потому что шатеръ кругомъ накрѣпко запирается, а свать кругомъ ходитъ и смотритъ, чтобы къ шатру изъ гостей никто не приближался; однако думаютъ, что можетъ быть женщины наставляють въ семъ шатрѣ невѣсту въ надлежащихъ до супружественнаго житія полезныхъ правилахъ, надѣвають на невѣсту женское платье и снявши съ нее платокъ, накладываютъ „шуркъ“ или „ошпу“, какъ головной уборъ черемисскихъ женщинъ, а сверхъ того вѣнокъ. При выходѣ изъ шатра встрѣчаетъ ее женихъ, и взявши за руку вводитъ ее въ избу, гдѣ юктючь о новобрачной парѣ читаетъ нѣкоторыя молитвы, чтобы Богъ имъ даровалъ дѣтей и къ домостроительству ихъ ниспослалъ свое благословеніе; а между тѣмъ женихъ и невѣста нѣсколько времени стоятъ на колѣнкахъ. Въ то время юктючь подчиваетъ гостей пивомъ и медомъ по своему произволению. Потомъ гости расходятся по своимъ домамъ, а новобрачныхъ обѣ свахи спать отводятъ.

И сія есть токмо одна церемонія, которую юктючь, кромѣ публичной жертвы, отправляетъ. У другихъ народовъ такихъ обрядовъ въ обычаѣ нѣтъ, и какъ свадьбы, такъ родины и похороны, почитаются у нихъ за свѣтскіе обряды, до чего духовные люди никакого дѣла не имѣють.

Вообще говоря, народы сіи на сохранность дѣвства не очень смотрятъ; да и будучи уже женаты, за непозволенное обхожденіе женъ своихъ наказавъ, живутъ съ ними опять въ совѣтѣ;

къ тому же нѣтъ у нихъ того поведенія, чтобы для такихъ причинъ съ женою разводиться; ибо, ежели мужъ своею женою не будетъ доволенъ, то вмѣсто разводной и того довольно бываетъ, что онъ лишаетъ ее своего ложа, и вмѣсто того женится на другой, а первую содержитъ у себя яко работницу.

Черемисы и чувашы погребають умершихъ въ томъ платьѣ, которое они носили, и кладутъ въ могилу между двумя досками, а сверхъ оныхъ накрываютъ еще доскою, и наполсѣдокъ могилу засыпають землею. Тудаже кладутъ они всякой домовой скарбъ, а именно котлы, ложки, ножи и проч. На похоронахъ сродники плачуть весма жалостно и мертваго провожаютъ до самага кладбища, которое предъ каждою деревнею на особливомъ мѣстѣ въ лѣсу обыкновенно бываетъ.

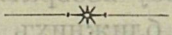
Вотъ яки погребають умершихъ въ ихъ платьѣ, обернувши берестами, поодаль деревни въ лѣсу, а домового скарба съ ними не кладутъ. Притомъ же есть у нихъ такое обыкновеніе: когда ношатые изъ лѣсу возвратятся, то хозяинъ или хозяйка, или кто нибудь изъ ближнихъ сродниковъ умершаго, на встрѣчу имъ бросаютъ пепель, чтобы, по ихъ сказкамъ, запретить, дабы они опять не приходили и болѣе мертвыхъ не носили.

Ежели умереть кто изъ знатныхъ, то черемисы и чувашы въ честь умершему празднуютъ недѣлю, мѣсяць, или и цѣлый годъ, какъ они заблагоразсудятъ. На дворѣ вколачиваютъ они двѣ палки, и между оными протягиваютъ толстую нить, и вздѣваютъ на оную кольцо. Потомъ всѣ молодые люди изъ сродниковъ или изъ гостей, не доходя до помянутаго мѣста шаговъ на десять, въ кольцо стрѣлами стрѣляютъ, и кто первой во оное кольцо попадетъ, тотъ беретъ лошадь, на которой покойникъ ѣзжалъ; ежели же будетъ женщина, то беретъ иную какую нибудь лошадь со всѣмъ уборомъ, и ѣздитъ на ней вскачь до трехъ разъ на могилу и оттуда назадъ. Потомъ оную лошадь у черемисъ на дому, а у чувашъ на кладбищѣ, въ память умершаго заколовши варятъ и ѣдятъ, при чемъ бываетъ много плача, игры, пляски и питья. Въ знакъ памяти у черемисъ на кладбищахъ обыкновенно раскидываются на жердяхъ платки.

Ихъ игры и пляски на свадьбахъ и при прочихъ увеселеніяхъ состоятъ въ томъ, что старшіе и знатнѣйшіе изъ лостей сидятъ по лавкамъ или на столѣ, и забавляются питьемъ,

а молодые мужескаго и женскаго полу на полу, при игрѣ на разныхъ инструментахъ, безъ всякаго порядка кругомъ скачуть и пляшучи бьютъ въ ладоши. Изъ игральныхъ инструментовъ въ первой у нихъ есть на подобіе лежачей гарфы, видомъ полумѣсяца, объ 18 струнахъ. Такіе инструменты употребительны и у русскихъ, которые называются гуслими, и кажется, что какъ употребленіе сего инструмента, такъ и званіе онаго, по примѣру другихъ вещей и словъ, взято у татаръ, ибо татары называютъ такъ же гусли, черемисы „кюселъ“, чувашы „гюселъ“, а вотяки „крессъ“. Второй инструментъ татарская волынка, которая по татарски называется „сурнай“, по черемиски „шюбберъ“, по чувашски „шилоръ“; третій — варганъ, по черемиски называемый „кѳбашъ“, по чувашски „кѳбасъ“, а по вотяцки „умкрессъ“.

2007097119